

Следует упомянуть о вмешательстве моего дяди Джонатана в дело «вспомоществования убогим» и о том, как весь этот нарыв наконец прорвался при участии дяди Тома.

Джонатан Кроули, старший брат моего отца, воплощал собой идеал благородного патриция. Он походил на римского императора — такого, каким тот рисуется нашему романтическому воображению, а не каким мы видим его на большинстве скульптурных портретов. Гигантский лоб, орлиный взор, крупный, надменный нос крючком, твердая линия рта и неукротимо волевой подбородок — благодаря такому сочетанию он был одним из самых потрясающе красивых мужчин, каких я когда-либо видел. Жил дядя Джонатан в царственной роскоши, но без тени бахвальства. Я ни разу не видел первую его жену, родившую ему двоих детей — Клода и Агнессу. Клод был поразительно дурен собой — до того, что само безобразие оборачивалось привлекательностью, — и, не будучи настоящим горбуном, все же нес на себе печать какого-то врожденного уродства. Те же черты проявлялись в его складе ума и нравственном облике. Я всегда думал о нем с восхищением как о новом Ричарде Третьем¹, но на самом деле он был просто слабак и недотепа. Агнесса унаследовала от отца аристократическое высокомерие и толику красоты. Гордость не позволяла ей выйти замуж, и подавленные желания подтачивали ее рассудок до тех пор, пока не породили настоящую *idee fixe*². Последние тридцать лет своей жизни Агнесса непрерывно объявляла помолвки и составляла брачные контракты, но ни из одной затеи не вышло толку. Вдобавок она была одержима бесом сутяжничества и вечно воображала, что ее в чем-то ущемляет то один, то другой из членов семьи.

Вторым браком дядя Джонатан сочетался с гувернанткой — воспитательницей его детей. То была дама из благородной саксонской семьи, возводившей свою родословную к временам Эдуарда Исповедника³. Высокая и худощавая, утонченная и прекрасно образованная, она стала превосходной хозяйкой дома. Меня она очень привлекала как личность и заняла в моей душе место, которого я не мог отвести матери. Она была видным деятелем «Лиги подснежника»⁴, и только благодаря ее влиянию на лорда Солсбери и лорда Ричи⁵ я получил назначение в дипломатическую службу.

¹ *Ричард Третий* (1452—1485) — король Англии (с 1483), представленный в пьесе Шекспира «Ричард III» как закоренелый злодей и предатель.

² *Idee fixe* — «навязчивая идея» (фр.).

³ *Эдуард Исповедник* (ок. 1003 — 1066) — предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 года).

⁴ «Лига подснежника» — организация британской консервативной партии, основанная в 1833 году в память премьер-министра Бенджамина Дизраэли (любимым цветком которого был подснежник).

⁵ *Солсбери*, лорд Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил (1830—1903) — британский государственный деятель, с 1885 по 1902 трижды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Депутат Палаты общин от консервативной партии, член Палаты лордов, специалист

Итак, дядя и тетя наведались ко мне в Кембридж. Я рассказал им о «вспомоществовании убогим» — не в духе жалобы, а, скорее, так, как сэра Ричард Бёртон мог бы описывать свои приключения среди дикарей. Но дяде Джонатану это дело представилось в совершенно ином свете. Он навел справки, подтвердившие мой рассказ, и, не обвиняясь, заявил Чемпни что подобным безобразиям надо положить конец. Чемпни попытался буянить, но тотчас же сник, когда дядя пригрозил ему санитарной инспекцией. Тем, однако, не кончилось. От дяди Джонатана не укрылось, как жестоко со мной обращаются, и он подал в суд; в результате меня вызвали на допрос в кабинет судьи Стерлинга. Мне всегда глубоко претило предательство, даже по отношению к врагам, а судья — чем черт не шутит — мог отправить мою мать и дядю Тома за решетку. Так что я врал напрапалую и притворялся, будто в школе я совершенно счастлив. Но как бы горячо я ни протестовал, судья, похоже, не попался на эту удочку. Высокий суд не назначил надо мной опеку, но добился обещания, что меня отправят в среднюю школу, а после — в университет, если я сдам вступительные экзамены.

А тем временем за меня вступилась сама природа. На каникулах после первого семестра наказания мне нездоровилось так явно, что начались расспросы, и я пожаловался матери, что в школе со мной плохо обращаются. Тогда послали за Чемпни, даже не попытавшись разобраться в ситуации и не предупредив меня ни намеком. Однажды вечером меня привели к дяде Тому — и я угодил прямиком в лапы разъяренного директора. От неожиданности я оробел и не осмелился ничего отрицать. Но обвинений против меня так и не выдвинули. Чемпни даже не сообщил моей матери и дяде Тому, что именно я — будто бы — натворил. Меня отослали обратно в школу, отбывать остаток наказания. Но под конец следующего семестра, уж и не знаю, по какой причине, дяде Тому вздумалось приехать в Кембридж и продолжить дознание. Чемпни заранее предупредили об этом визите, и он надавил на меня сильнее: или я сознаюсь, или буду исключен. Я из кожи вон лез, принимая на себя самые гнусные провинности, но только усугублял этим все дело, поскольку с *тем самым* преступлением они не имели ничего общего. Накануне прибытия дяди Тома я снова стал твердить чистую правду — что не имею понятия, какая на мне вина. На сей раз дядя отступил от добродетели так далеко, что потребовал изложить ему суть обвинений. И ему достало здравого смысла понять, что они сплошь абсурдны, отмахнуться от Чемпни как от ненормального и забрать меня из школы. Между прочим, совсем скоро сумасшествие директора проявилось со всей очевидностью, вследствие чего школу закрыли.

Но со мной он успел сделать свое черное дело. Я, бывший прежде веселым, здоровым, дружелюбным мальчиком и всеобщим любимцем, приучился много месяцев кряду выносить полное одиночество. Никто из однокашников со мной не разговаривал, а учителя, когда обстоятельства вынуждали их ко

мне обратиться, неизменно напускали на себя вид ханжеского омерзения. Здоровье мое было подорвано: ведь я все это время сидел на хлебе и воде, а во время занятий должен был без остановки вышагивать вокруг спортивной площадки. Меня показали врачу; тот обнаружил у меня тяжелую альбуминурию⁶ и заявил, что я могу не дожить до совершеннолетия. Мне предписали особую диету и курс деревенской жизни под руководством домашнего учителя. Так что следующие год-другой я только и делал, что путешествовал по Уэльсу и Шотландии, занимался скалолазанием и ловил форель. Одно лето я замечательно провел в Сент-Эндрюсе, где сам Эндрю Керкелди⁷ учил меня играть в гольф. Я быстро шел на поправку. Часы занятий были строго ограничены, но я и в учебе делал большие успехи, поскольку внимание наставников всецело принадлежало мне одному. Впрочем, сами наставники были далеки от совершенства: все до единого — ставленники дяди Тома, анемичные самодовольные педанты, в лучшем случае выпускники какого-нибудь из самых захудалых колледжей Кембриджа <Оксфорд для дяди Тома был «анафема маранафа»⁸. Кебл! Маннинг!! Ньюмен!!! поставщики князей ада — куда более хитроумные и опасные, чем Дарвин, Гексли и Тиндаль⁹.>. Разумеется, я считал своим долгом обводить их вокруг пальца, как только мог, и уличать во всевозможных прегрешениях.

Кстати сказать, дядя Том через несколько лет написал статью, которую сам считал образцом блестящего остроумия, и напечатал ее в «Журнале для мальчиков», этом рупоре евангелического курса на истребление мужественности в средней школе. Статья называлась «Два Ваала».

Последние были представлены тиранами, губителями и поработителями нашего юношества. Один из них Покуриваал, другой — Попиваал. Дядя Том обратил мое внимание на этот шедевр, и я потрясенно воскликнул: «Как же так, дядюшка? Вы забыли третьего, самого опасного и губительного!» Он не понял. Я объяснил, кто таков этот смертоносный Rex. А теперь судите сами: не прискорбно ли, что поправка столь важная и точная была встречена без благочестивого умиления?

Еще того хуже стало, когда я снова окреп душой. Какое-то время я чувствовал себя достаточно сносно, чтобы посещать дневную школу в Стритеме, где мне и открыли наконец ужасную тайну, над которой я ломал голову почти три года. Грех оказался достойным — настолько, что грех было бы не грешить, и я предался ему с типичным для меня энтузиазмом.

⁶ *Альбуминурия* — выделение белка с мочой, признак нарушения нормальной деятельности почек.

⁷ *Керкелди*, Эндрю (ок. 1860 — 1934) — известный шотландский спортсмен, профессиональный гольфист.

⁸ «*Анафема маранафа*» (сочетание древнегреческого языка и сирийского диалекта арамейского) — выражение из I Кор.16:22: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа». Обычно толкуется как «да будет отлучен до времени пришествия Господа».

⁹ *Кебл*, Джон (1792—1866) — английский священник и поэт один из лидеров Оксфордского движения (см. примеч. &); в его честь был назван один из колледжей Оксфордского университета, основанный в 1870 году. *Маннинг* — см. примеч. &. *Ньюмен* — см. примеч. &. *Гексли* — см. примеч. &. *Тиндаль*, Джон (1820-1893) — английский физик, автор ряда научных открытий, популяризатор естественнонаучных воззрений.

Поскольку у моего отца была привычка к вину, я не понимал, что может быть порочного в винопитии. Следовательно, пьянствовать не имело смысла. Я не прикасался к вину, пока не поступил в Тринити-колледж, и никогда в жизни не чувствовал ни малейшей тяги выпить лишнего. Но курильщиком отец не был и говорил, что если бы Бог предназначил человека к курению, то приспособил бы ему на макушке трубу. <На что вполне резонно было бы возразить, что зато Он в бесконечной милости Своей приспособил табак к нашему вкусу и обонянию.> Поэтому я не колеблясь отвел курению важнейшую роль в своей жизни. Что касается служения «третьему Ваалу», мне и в голову не приходило, что оно связано с продолжением рода, а потому не было оснований предполагать, что моему отцу когда-либо случалось забыться до такой степени. Я неустанно стремился встать под знамя сего монарха, но для этого необходимо было стороннее содействие, которое я изыскал не сразу.

Но вернемся к моим наставникам. Отношения с ними были неизменно натянутыми. Один из них, преподобный Фотергилл, привез меня на лето в рыбацкий поселок Форсинард неподалеку от Лэрга¹⁰. Мы отправились через вересковую пустошь на озеро и о чем-то поспорили. Я зашвырнул удочку его преподобия в воду. Он, расвирепев, набросился на меня, но я удачно ухватил его и швырнул следом за удочкой, а сам забрался в лодку и поплыл было прочь. Но Фотергилл настиг меня еще у берега, перевернул лодку и попытался меня утопить. В тот вечер боги не уставали благоволить мне: Белли Маккей, девица из тамошней деревни, не нашла себе занятия получше, чем прогуляться в моем обществе по вересковой пустоши. Мы вернулись вдвоем, нисколько не таясь, и Фотергилл сдался. На следующее утро он отвез меня обратно в Лондон. Остановившись по дороге в Карлайле¹¹, я отпраздновал победу вторично — с хорошенькой горничной.

Но покушения на убийство — не единственное развлечение, доступное благочестивым педагогам. Брат настоятеля Вестминстерского аббатства¹² (впоследствии ставший миссионером и умерший в Локодже¹³) отлично усвоил простой урок: если не можешь быть добродетельным, будь осторожным. Он вел себя безупречно, пока оставался моим наставником. Но затем, сложив с себя ответственность за мое воспитание, он пригласил меня с ночевкой в дом своей матери в Мейз-хилл¹⁴ и сделал все возможное, дабы поддержать репутацию своего сана. Я не позволил ему добиться своего — но не потому, что не видел в этом греха, а потому что заподозрил ловушку, призванную изобличить меня в глазах моей семьи. Перед самым отъездом в Африку он еще раз пригласил меня в гости, помолился вместе со мной, покаялся в своем преступлении, оправдался тем, что старший его брат Джек, тоже миссионер, сбил его с пути истинного, и попросил у меня прощения. Я

¹⁰ *Форсинард* и *Лэрг* — деревни в графстве Сазерленд, на севере Шотландии.

¹¹ *Карлайл* — город на северо-западе Англии, поблизости от границы с Шотландией, столица графства Камбрия.

¹² Настоятелем Вестминстерского аббатства в то время был Джордж Гренвиль Бредли (1821—1903).

¹³ *Локоджа* — город в центральной Нигерии, столица штата Коги.

¹⁴ *Мейз-хилл* — район на юго-востоке Лондона.

снова встал в позу человека бывалого: «Ну-ну, дружище, тут и говорить не о чем», — что раздражило его до крайности: он хотел, чтобы его приняли всерьез как великого грешника.

Среди всевозможных глупостей, связанных с грехом, одна из главных — в том, что прегрешение лестно для грешника. Всякое безумие опирается на преувеличение важности своего эго. Меланхолик лелеет иллюзию, что он совершил непростительный грех. Греховность возрастает на почве подавления желаний и беспрестанного размышления о чудовищности греха. Немногие люди доходили бы до излишеств, не придавай они такое неподобающее значение самому обыкновенному скотству.

Большинство людей, и Фрейд в особенности, не понимают подлинного смысла фрейдистской теории. «Бессознательное либидо» на самом деле есть не что иное, как «истинная воля сокровенного “я”». В сексуальных особенностях индивида действительно заключены символические указания на его сущность, и если первые «отклоняются от нормы», то можно заподозрить, что «я» этого человека раздирают какие-то внутренние разногласия. Адепты, несущие человечеству посвящение, знают по опыту: когда комплекс (двойственность), обременяющий «я», так или иначе разрешается (в единство), посвященный обретает целостность. Симптомы нездоровой сексуальности (которые суть всего лишь жалобы больного животного) исчезают, а совесть и рассудок освобождаются от терзавшей их междоусобной войны сомнений и одержимости собственным эго.

Совершенный человек, обретший гармонию, беспрепятственно устремляется к своей естественной цели.

Как увидит читатель, за эти годы я достиг огромного прогресса в развитии. Но в этой долгой битве со своими мучителями я так ужасно страдал, что восстановить порядок событий мне теперь очень трудно, хотя сами эпизоды вспоминаются живо и ярко. Кроме того, во мне уживаются странные противоречия, о которые я, похоже, спотыкаюсь и до сих пор. Так, вплоть до 1894 года, если память меня не подводит, я сочинял гимны, вполне приемлемые с религиозной точки зрения. Один был напечатан в журнале «Христианин» и начинался так:

Я слепец на ладье без руля и ветрил,
Волей ветра гонимой по бурным волнам,
Но Господь охранит и не даст утонуть... и т.д.

Или взять, опять-таки, стихотворение на смерть тети Ады, которое я счел достаточно удачным, чтобы включить в сборник «Песни духа»¹⁵, — оно тоже совершенно безупречно по меркам благочестия. Я словно бы исповедовал собственную теологию — особую, но, по существу, христианскую. Моему

¹⁵ «Песни духа» — один из ранних сборников стихотворений Кроули, впервые опубликованный в 1898 году.

сатанизму она ни в коей мере не противоречила: я пытался утвердиться во мнении, что христианство, замешанное на лицемерии и жестокости, не есть христианство истинное. Я ненавидел не Бога и Христа как таковых, а лишь Бога и Христа тех людей, которых я ненавидел. И только когда развившаяся способность к логическому рассуждению наглядно продемонстрировала мне, что теология и культ этих мнимых христиан находят опору в Священном писании, я был принужден отвергнуть и саму Библию. Неважно, что местами она великолепна с литературной точки зрения, а в отдельных фрагментах выражает поистине замечательные философские и этические взгляды. Все равно итог таков, что иудаизм — это дикарское, а христианство — изуверское скопище предрассудков.

Очень странно, что моя склонность к мистицизму и магии не проявлялась в то время ни в каких особых переживаниях. Трансцендентальное мировоззрение, которого я придерживался изначально, не подкреплялось никаким опытом. Большинству детей присуща поэтическая жилка; они верят в так называемые «психические феномены» (терпеть не могу это название!) или, по меньшей мере, воображают, что видят фей или «страшного буку». Но у меня, сознательно вступившего в битву с «силами и господствами»¹⁶, ни разу не было даже легчайшей галлюцинации такого свойства и ни малейшей склонности выдумывать призраков. Хоть я и мечтал увидеть дьявола и потолковать с ним, но предполагал, что такое общение должно быть сугубо материальным либо чисто интеллектуальным. О нюансах я и не подозревал. Зато когда я наконец научился использовать астральное зрение и слух, то никогда не путался: иной мир оказался связан с нашим определенными соответствиями, но четко от него отличался. По-видимому, что-то во мне решительно не допускало, чтобы чернила земного опыта запятнали духовное осознание мира, скрытого за завесой. К тому же, как я упоминал, временами наружу прорывалась совершенно зрелая личность, когда я с уверенностью и властью пятидесятилетнего начинал рассуждать о предметах, о которых в обычном смысле слова не имел представления.

Вот один поразительный случай — мне тогда, насколько помню, было четырнадцать. Начну с того, что я всегда отличался крайним мягкосердечием (ко всем, исключая тиранов, для которых, по мне, никакая пытка не была бы чрезмерной). В особенности я добр к животным, ко всем без различия, так что эпизод, о котором я собираюсь рассказать, не имеет никакого отношения к жестокости или садизму.

Однажды кто-то сказал при мне: «У кошки девять жизней». Я сделал вывод, что убить кошку практически невозможно. И, как обычно, преисполнился решимости осуществить невозможное. (Обратите внимание, что я принял сказанное за чистую монету!) Наверное, по какой-то смутной аналогии с историей о Геркулесе и гидре я вбил себе в голову, что все девять жизней надо пресечь более или менее одновременно. Итак, я поймал кошку, напичкал ее мышьяком, усыпил хлороформом и повесил, причем над газовой

¹⁶ «Силы и господства» — ангельские чины в христианской небесной иерархии.

горелкой, затем проткнул ее ножом, перерезал ей горло и размозжил голову, а когда она основательно поджарилась, утопил ее и выбросил из окна, так покончив с девятой, последней жизнью. Операция увенчалась успехом: кошка погибла. Пока я все это проделывал, мне было искреннее жаль бедное животное, но ради блага чистой науки я заставил себя довести эксперимент до конца.

Это сочетание невинности, невежества и образованности, изобретательности и твердых нравственных устоев кажется невероятным. Совершенно очевидно, что такую чудовищную нелепость породила именно атмосфера безумных и безнравственных предрассудков, в которой я был воспитан. В дальнейшем мы еще не раз увидим, как столкновение исключительно здравого, трезвого, реалистичного духа с противоестественной теорией и принципами христианства разрешалось на материальном плане каким-нибудь сумасбродным поступком. Я мыслю строго логически; точнее, мыслил так до тех пор, пока мистический опыт не позволил стряхнуть оковы, стеснявшие мой ум. А логический подход — причина большинства нелепых и отвратительных событий, пятнающих историю человечества. С точки зрения христианских предрассудков, инквизиция действовала в согласии с высочайшими гуманистическими принципами, разрушая тело человека, дабы спасти душу. Исходя из чистой логики, последователи Декарта имели полное право мучить животных: ведь они считали их бесчувственными автоматами. Схожим образом, истинного детерминиста следует оправдать, какое бы преступление он ни совершил: ведь оно случилось, а значит, было неизбежным. И логические аргументы, выдвинутые Гексли в «Эволюции и этике» против детоубийства и геноцида, совершенно неубедительны. Не логика, а только здравый смысл всякий раз помогает нам сохранить ту или иную часть человечества, — здравый смысл, к которому мы вынуждены прибегать постоянно. Что же до будущего, то логически неопровержимая перспектива гибели всего живого на планете обращает любые человеческие усилия в колоссальную нелепицу.

Одна из главных задач этой книги — показать абсурдность последнего утверждения, предложив теорию реальности, не противоречащую здравому смыслу.

Но об этом — позже.

© Перевод: Анна Блейз

www.oto.ru